

ДИСКУССИИ

УДК 330.11

В.Б. ЖЕЛЕЗНОВ,
кандидат экономических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РЫНОЧНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

В данной статье выдвигается гипотеза о ведущей роли экономической безопасности государства в общей логике коренных преобразований экономики в дореформенной и современной России. Прослеживаются основные вехи в смене экономической политики. Анализируется ее роль в обеспечении реальной экономической безопасности. В статье содержатся некоторые рекомендации по развитию бюджетного федерализма в экономике и финансах России.

Одним из возможных подходов в объяснении целей государственной эволюции и в оценке качества коренных социальных преобразований может служить экономическая безопасность. С этих позиций представляются вполне логичными именно государственный (а не стихийный "низовой") путь свертывания плановой экономики в 80-х гг., выбранные методы рыночных преобразований в 90-х и даже новейшие тенденции усиления государственного администрирования.

В свое время превращение предприятий и регионов в звенья одной фабрики, завода и, соответственно, концентрация их усилий на государственных задачах отвечало политическим и экономическим целям безопасности страны. Россия на полвека отставала в промышленном развитии от развитых стран мира, а его передел продолжался весь 20-й век, и в этом видится смысл прорыва, в том числе благодаря возможности плана "ГОЭЛРО". Невиданный энтузиазм при "дармовой" рабочей силе, победы на всех

фронтах и стремительный промышленный подъем (вынужденно абстрагируюсь от известных политических "издержек" – В.Ж.) в течение долгого периода обеспечивал высокое качество экономической безопасности государства.

Экономика начала давать сбои только с 60-х – 70-х гг. Наиболее общая причина, вызвавшая попытки нескольких серьезных экономических реформ того времени, – достижение известного управленцам и экономистам отрицательного "эффекта масштаба". Это было следствием качественного умножения межхозяйственных связей, а также губительным нарастающим перерасходом ресурсов при отсутствии мотивации предприятий к ускорению технического прогресса.

Вряд ли найдется мудрец, предлагающий реальный путь решения данных проблем вне конкурентности, инновационной активности на местах и других продуктов экономической свободы, обособления и реализации экономических интересов. Но с появлением таких форм жизнедеятельности экономических субъектов

экономика теряет былую прозрачность и подконтрольность, становится в лице обособленных агентов не объектом планового управления, а своеобразным партнером для государства. С точки зрения более качественной безопасности (а именно сохранения управляемости в целях реализации государственных интересов, отнюдь не обязательно вредных для населения), в СССР конца 80-х гг. решался вопрос о месте частной собственности в развитии конкуренции как главного мотора рынка. Суррогатом представлялась или аренда, или "народные предприятия" плюс допуск кооперативов в сферу услуг по типу НЭП. Думается, точки зрения "левых" и "правых" расходятся именно здесь, а не в вопросе о роли конкуренции.

К сожалению, практика показала несовместимость требований экономической безопасности с суррогатными формами обособления, что выразилось в резком росте теневой экономики, взлете инфляции, присвоении директорами функций собственника, выводе цехов и разрушении предприятий изнутри, отказах от выполнения договоров и т.д. По мнению автора, с позиций управляемости это был самый опасный этап в жизни государства, период развала. Но уже с начала 90-х гг. государство проявило решимость восстановить экономическую безопасность.

Пустой бюджет, критический уровень запасов валюты и продовольствия, паралич "вертикали" власти потребовали высвобождения бюджета от дотирования повсеместной убыточности предприятий и отраслей, отмены государственных фиксированных цен, отказа от централизованного инвестирования, плановых закупок и т.д. Отсюда скорость и большевистский размах рыночных преобразований, в том числе освобождения цен, приватизации, сворачивания оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК), развития частной финансовой инфраструктуры, импортозамещения товаров, конфискационного налогообложения. Пусть не как в Польше, но все же, учитывая место ОПК в экономике, инфляцию, платежный кризис и ликвидацию сбережений, это была та же "шоковая терапия".

По сути, речь шла о спасении экономики в составе немногих выживающих экономических центров, субъектов, предприятий, а главное – самого государства в лице бюджета и центрального банка. В экономической политике того времени было немало противоречий, об этом уже достаточно сказано. Были политические ошибки и анархические проявления. Но отчетливо проглядывается логическая связь между преобразованиями и экономической безопасностью государства, основанной на принципиально новой концепции и стратегии интересов. Данная концепция экономической безопасности была основана на *утверждении базисной роли частной собственности в экономике, конкуренции как формы экономического развития на путях научно-технического прогресса* (здесь и далее выделено автором).

Условием такой безопасности, несомненно, является адекватная система государственного регулирования рыночной экономики. Здесь в принципе возможны два подхода: государство как звено экономики, партнер частных производителей либо государство как образование над такой экономикой, которая пытается вырваться из-под власти государства, неся опасности для населения.

Широко известна американская модель, где государство оказывает предпринимательскую услугу, а его органы оплачиваются на рыночной основе (с учетом затрат) по результатам услуги. Для такого механизма наша экономика еще не созрела, сначала она должна стать такой же крепкой и стабильной, а потом уже общество позволит ей по рыночному принципу оплачивать функции государства. Однако это не означает, что сегодня следует полностью согласиться с "левиафановскими" подходами.

По мнению автора, концепция экономической безопасности, как это следует из проводимой в последние годы экономической политики, претерпела новые, если не принципиальные, изменения. Это концепция *государственного капитализма*, то есть промежуточной ступени между социализмом и капитализмом, с которой можно двинуться и в ту, и в другую (опять к плановой экономике) сторону. Не случайно же в се-

редине мая 2007 года в Думе рассматривался законопроект о введении государственных цен на продукты и жилищно-коммунальные услуги (!).

С начала нового века в России на основе бездефицитного бюджета, с принятием бюджетного и налогового кодексов многое делается в направлении укрепления административной вертикали федеральной власти. Положительные результаты и объективные предпосылки таких подходов общеизвестны. Но они, как считает автор, больше политические.

Каковы же проявления новой концепции в экономике? Усиление фискальной функции налогообложения с акцентом на косвенное налогообложение и заметно в пользу федерального бюджета; перекладывание все большей доли конституционных обязанностей и расходов федерального центра на региональный и местный уровни власти при резком сокращении собственной доходной базы низовых бюджетов; укрепление позиций естественных монополий в ключевых отраслях (обязательно с участием государства и выполняющих его решения) с тенденциями к объединению, централизации предприятий и банков под эгидой государства; разрастание числа ведомств и чиновников до границ, превышающих дореформенный уровень; непрерывное реформирование фундаментальных основ гражданского общества – образования, науки, пенсионного обеспечения, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства (при наличии известных причин такого реформирования, нельзя не отметить в нем продолжение "шоковой терапии", устрашающей население не до конца продуманными действиями госаппарата, решившего по-ленински "ввязаться, а там как будет").

Конечно, мы снова, как в 90-е гг., имеем дело с новой, неосвоенной моделью развития. Шарахнувшись в сторону от политики 90-х, чуть не приведшей к экономическому и политическому развалу государства, но, взяв у нее большевистскую решительность и бесстрашие перед "шоковой терапией" для населения, мы впадаем в другие крайности. Бюрократизация экономической жизни, к которой привела кейнсианская политика на Западе, была там прочувство-

вана и отвергнута еще 40 лет назад. Мы опять повторяем чужие ошибки, ссылаясь на национальные особенности, вводя понятия суверенной демократии и т.п. Большевики в свое время ссылались на враждебное окружение и разруху. Получается, что времена меняются, асылки остаются. Тем более что мало меняются подходы: все это время не строились новые заводы (например, нефтеперерабатывающие заводы), не обновлялась техника, не занимались нанотехнологиями и инновациями, не меняли нефтегазовую природу федерального бюджета, не инвестировали средства из огромного стабилизационного фонда, не стимулировали бизнес, не поощряли конкуренцию. Как известно, последние 15 лет были ознаменованы активной законотворческой деятельностью, усилением административного и налогового контроля. В экономике же господствовали "пожарные методы" решения возникающих проблем.

К счастью, последний год ознаменован признанием названных недостатков экономической политики на высоком государственном уровне. Были приняты соответствующие программы, выделены средства из преобразованного стабилизационного фонда, предоставлены субсидии хозяйствующим субъектам, регионам. Однако этим нельзя ограничиваться. Нужно пересмотреть сложившуюся экономическую философию государственной безопасности.

Хотелось бы указать, например, на сложившуюся систему перераспределения доходов между центром и регионами, в которой видится реальная опасность для конституционно закрепленной системы бюджетного федерализма. У нас субъекты федерации объединены ради извлечения выгод от своего объединения, и для этого они должны также финансировать федеральный центр. Современный уровень централизации налоговых доходов явно завышен, ибо даже такой регион-донор, как Татарстан, стал (скрыто) дотационным, а в среднем по стране собственные источники составляют 15-20% в доходах регионов и 10% – на местном уровне, куда стекается все больше полномочий. Неужели этим путем можно выровнять бюджетную обеспеченность регионов и муниципальных

образований? А как же экономические стимулы, самостоятельность, инновационность, ответственность на местах, хотя бы по былому принципу полного хозрасчета?

В распределении трансфертов по регионам, как считает автор, учтены не все экономические закономерности. Так, господствует принцип первоочередного учета текущих, а не капитальных потребностей. Что касается капитальных вложений, то достается меньше средств тому региону, где более высокая производственная обеспеченность. Но науке давно известен "парадокс Домара": чтобы полностью загрузить растущий от периода к периоду производственный потенциал, необходимо постоянно увеличивать объем капиталовложений. Это условие равновесного роста при полном использовании производственных мощностей. Выходит, чем более оснащен регион, тем больше ему нужно планировать и капитальных расходов. На практике все наоборот, и причина – зависимость от вышестоящего бюджета. Следует, как считает автор, пересмотреть политику выделения трансфертов, уделяя больше внимания не текущим потребностям, а необходимости поддержания производственной базы региона.

Под вопросом также эффективность сложившегося централизованного финансирования в сфере социальных услуг. Это не только известные проблемы ЖКХ, льгот и т.д. Это и проблемы инфляции. Например, ставки медработников муниципальных образований устанавливаются на местном уровне, а зарплата перечисляется из регионального бюджета, что ведет к необоснованному росту фонда оплаты. Производительность труда в стране давно отстала от роста заработной платы, но не последнюю роль в этом, как видно, играет и межбюджетная неурегулированность.

На централизованном уровне финансирования невозможно определиться ни с предельной склонностью населения к сбережению в той или иной местности, ни с проблемами его за-

нятости, ни с другими условиями и факторами равновесного роста на местах, обуславливающих направление инвестиций. А ведь региональная дифференциация в стране весьма велика не только по уровню бюджетной обеспеченности, и существующие подходы к выравниванию могут привести только к казенщине и уравниловке, к обострению проблем жизнеобеспечения и, следовательно, к подрыву экономической безопасности.

Очевидно, что индивидуальные и добровольные договоры между федеральными и региональными властями нельзя отметить как вредные для федерации. Это согласуется с новыми идеями, связанными с предоставлением преференций регионам, экономика которых способна служить локомотивом в решении стратегически важной триединой задачи: удвоения ВВП, модернизации отраслевой структуры и перехода на инновационный тип экономического роста. Условием сохранения безопасности для общеэкономического пространства страны могли бы быть законодательно закрепленные в Бюджетном и Налоговом кодексах границы взаимных требований и преференций, а также общие условия их предоставления на договорной основе, например, достигнутый экономический потенциал региона, уровень эффективности его бюджетных расходов, инновационные параметры.

Таковы, по мнению автора, важные для страны направления укрепления ее экономической безопасности, вытекающие из необходимости сохранения федеративных начал управления при переходе к качественно новым условиям экономического роста. Особенность нашего времени – это мировые вызовы демократическому устройству по всем направлениям общественной жизни, попытки испытать демократию на прочность. Необходимо доказать гуманность, эффективность и способность к саморазвитию такого устройства на деле.

В редакцию материал поступил 05.06.07.